

Описание частного торгового предпринимательства в информационных сводках, следуя классовому и идеологически выверенному канону, содержит массу негативных характеристик. Напротив, в случае анализа экономических реалий, сотрудники ОГПУ были вынуждены признать тот факт, что частник занимал на рынке свою нишу, которую были не в состоянии занять ни кооперация, ни государственная торговля. Таким образом, в сводках косвенно признавалась необходимость частного сектора хозяйства для хозяйства региона, отмечается его особое место в многоукладной экономике переходного периода.

Н. В. Кирсова

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАДРОВ В КОМИ АВТОНОМИИ В 1920 — 1930-е гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время всё больше проявляется интерес к национальной истории советского периода. Следует отметить, что мало исследована проблема коренизации кадров, как одного из принципов национальной политики большевиков кадров. Вместе с тем, исторический опыт всегда позволяет провести параллели, в том числе с системой современного рекрутирования.

В 1920 — 1930-х гг. политика коренизации осуществлялась в основном в двух направлениях: формирование национальных управленческих кадров, а также введение в официальное делопроизводство языков титульных наций. Коренизация национальных кадров в разных регионах страны имела свои особенности, но в целом положительно повлияла на политическую культуру автономий [1, с. 53 — 55; 2, с. 2 — 7; 3, с. 19 — 23]. Однако, если в 1920-е гг. коренизация увязывалась с вовлечением в органы управления представителей рабочих и крестьян нацменьшинств, то к середине 1930-х гг. стала очевидной нехватка квалифицированных национальных ресурсов. Таким образом, с 1933 г. «появляется устойчивая тенденция на сокращение удельного веса национальных работников в аппаратах», а делопроизводство в них снова начинает вестись на русском языке [4, с. 116].

Сохранение национальной идентичности коми разрешалось в контексте политики «зырянизации», т.е. определении статуса коми и русского языков как государственных. Изначально вопросами языковой политики занимались отделы народного образования, а с формированием Коми государственности (август 1921 г.) были созданы организационно-правовые условия для дальнейшего функционирования коми языка.

Так, в соответствии с постановлением бюро Коми обкома РКП(б) от 24 ноября 1923 г. была создана Комиссия по зырянизации советского аппарата, полномочия которой определялись президиумом Коми облисполкома [5, с. 67]. Основываясь на решениях партийных и советских органов управления о признании на территории автономии государственными языками коми и русского языка, Комиссия разработала «Инструкцию по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации автономной области Коми» [6, л. 8.]. В соответствии с инструктивным документом всё делопроизводство должно было осуществляться на коми языке. Вместе с тем, допускалось использование русского языка в волостных и сельских учреждениях, расположенных в районах компактного проживания русского населения, а также при ведении переписки всех учреждений и организаций с внеобластными структурами.

В середине 1920-х гг. при участии Комиссии прошли дискуссии о графических нормах коми письменности, что имело прямое отношение к политике зырянизации. В этот период государство стремилось унифицировать письменность всех народов. Поиски доступной для многонациональной страны графической основы письма привели к тому, что в течение 1920 — 1930-х гг. произошёл переход от действовавшего алфавита к латинизированной графике и создание новой письменности для некоторых народов (1920-е гг.), а затем переход на русскую графическую основу (1930-е гг.). В 1924 г. одним из основателей Общества изучения Коми края А. Г. Греном была предложена идея «латинизации» и коми письменности. Предполагалось, что латинский алфавит консолидирует финно-угорские народы в процессе их государственного развития. Однако попытки приспособить латинский алфавит к коми письменности не увенчались успехом. На II Всекоми съезде работников просвещения (сентябрь 1925 г.) полемика была прекращена в пользу так называемого «молодцовского» алфавита (коми язык развивался на основе русской графической системы и был составлен В. А. Молодцовым в 1918 г.).

В конце 1920 — начале 1930-х гг. под лозунгом борьбы с ликвидацией неграмотности советской властью ставилась задача привлечения государственных органов и общественности к проблеме латинизации. Несмотря на затраченные значительные материальные средства и приложенные организационные усилия, применение латинизированного алфавита в Коми выявило его несостоятельность. Лингвистические эксперименты привели к резкому снижению спроса на коми периодические издания, а преподавание в школе фактически велось без учебной литературы. В результате 07 марта 1935 г. президиум Коми облисполкома вынес постановление о переходе на «молодцовский» алфавит [7, л. 285]. В Центральный комитет нового алфавита было отправлено письмо об отказе от латинизированного

алфавита «как оказавшегося непонятным для трудящихся» [8, л. 278]. Более того, на XIV Коми областной партийной конференции (май 1937 г.) указывалось, что обком допустил грубую ошибку, вынося решение о «латинизации» [9, л. 155].

Несмотря на то, что Коми была моноэтничной областью, организация делопроизводства на национальном языке тормозилась рядом объективных факторов: отсутствовали квалифицированные кадры, подобного рода мероприятия ранее не проводились (в основном касающиеся перевода текстов официальных нормативных правовых актов), недостаточно выделялись средства и др. И если при работе с населением коми язык безусловно употреблялся в разговорной речи, то на уровне работы аппаратов партийно-государственных органов управления использовался русский язык.

В начале 1930-х гг. наблюдались значительные «перекося» в проведении коренизации. Например, весной 1933 г. бюро Коми обкома ВКП(б) поручило ОКК-РКИ в срочном порядке выявить руководителей учреждений и организаций, где делопроизводство велось на русском языке. Невыполнение решений рассматривалось как «прямой саботаж комизации аппарата» [10, л. 102]. В 1935 — 1938 гг. в области проходили массовые репрессии против так называемых «коми буржуазных национал-шовинистов». В этот период противопоставление коми и русского языков выражалось в поиске причин использования русского языка. Например, в постановлении президиума Коми облисполкома от 05 мая 1938 г. указывалось, что плохое усвоение русского языка в школах являлось следствием действий со стороны «контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических агентов фашизма, которые срывают проведение ленинско-сталинской национальной политики, подрывают братское единство коми народа с русским» [11, л. 199].

Подготовка и продвижение местных кадров для национальных автономий обеспечивалась не только за счёт внедрения в официальное делопроизводство родного языка. Важной составляющей политики коренизации являлось вовлечение в органы управления представителей коренной национальности. Для Коми автономии реализация данной задачи не была столь сложной, как для других национальных регионов. В составе местных Советов по итогам их перевыборов в середине 1920-х гг. представителей коренной национальности было 95 % [12, с. 167]. Вместе с тем, в начале 1930-х гг. на высшем государственном уровне отмечалось уменьшение данного показателя. Несмотря на то, что в составе населения автономии 92,3 % были лица коми национальности, в 1930 г. вовлечённых в аппарат управления насчитывалось 69,6 %, а в 1931 г. — 64,4 % [13, с. 15].

К середине 1930-х гг. процесс вовлечения национальных кадров в государственный аппарат вступил в завершающую стадию. Так, из доклада Коми облисполкома об итогах социалистического строительства за 1921

— 1936 гг., следовало, что сельсоветы, райисполкомы, весь низовой советский аппарат области фактически полностью был укомплектован из «коми трудящихся», а в областном аппарате работников коренной национальности насчитывалось до 80 % от общего состава [14, л. 6].

Вместе с тем, в конце 1930-х гг. продолжились дискуссии о проведении коренизации аппарата и организации делопроизводства на коми языке. Например, секретарь Северного крайкома Г. А. Рябов, присутствовавший на XIV Коми областной партийной конференции (май 1937 г.), отметил, что национальные партийные кадры недостаточно изучены, а их обучение, подготовка и переподготовка ведётся не активно [15, л. 89]. Секретарь Коми обкома А. А. Семичев заявил о необходимости последовательного проведения коренизации, в том числе организации делопроизводства на коми языке [15, л. 155]. Проблема продвижения национальных кадров существовала также и в правоохранительной системе. Так, начальник политотдела Ухтойжмлага К. В. Рубан — делегат XVI Коми областной партийной конференции (февраль — март 1939 г.) указал на то, что в пяти лагерях работали всего 51 чел. коми по национальности. По его мнению, необеспеченность национальными кадрами возникла «за счёт наших упущений и в первую очередь обкома партии» [16, л. 42].

Перманентная напряжённость в области национальной политики в 1930-е гг. не могла не отразиться на дальнейшем официальном статусе коми языка. При разработке проекта Конституции Коми АССР в 1937 г. не были учтены предложения по включению статьи о функционировании в регионе двух государственных языков — коми и русского.

Таким образом, коренизация партийно-государственного аппарата в Коми автономии соотносилась с общими тенденциями в проводимой национальной политике государства. Вместе с тем, моноэтничность региона позволяла выдерживать «формальные» требования к рекрутированию управленческих кадров.

1. *Базарова В.* Коренизация государственного аппарата в Бурят-Монголии как опыт национальной политики в 1920 — 1930-х гг. // *Власть.* 2008. № 7.

2. *Гутиева М.А.* Политика коренизации кадров и особенности её реализации на Северном Кавказе в 1920 — 1930-е гг. // *Гуманитарные и социальные науки.* 2011. № 1.

3. *Бетротова М.А.* Коренизация как способ подготовки партийных и советских кадров в Кабардино-Балкарии (1920 — 1940 гг.) // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* 2011. № 2.

4. *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х — середина 1930-х гг.) // *Вест. РУДН. Сер. История России.* 2007. № 3.

5. Коми му. 1924. № 1 — 2.

6. Национальный архив Республики Коми (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 92.

7. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1251.

8. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1251.

9. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 295.
10. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1250.
11. НА РК. Ф. 870. Оп. 1. Д. 74.
12. История Коми края в документах и материалах : хрестоматия. Ч. 2. Советский период / под ред. А.Н. Турубанова. Сыктывкар, 1985.
13. *Родневич Б.* Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12.
14. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 885.
15. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 295.
16. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333.

М. А. Клинова

БУКВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЙ СЕРЕДИНЫ 1940-х — 1950-х гг.)

В изучении советской повседневности исследователи обращаются к различным источникам: письмам, дневникам граждан, материалам СМИ, кино- и фотодокументам. Уникальным источником в изучении советской повседневности является Букварь — учебное издание для младших школьников. В данной работе мы обратимся к анализу текстов и визуальных образов, помещенных на страницах Букварей, изданных в период середины 1940-х—1950-е гг., с целью выявления информационного потенциала данного источника [1].

Для советского человека, Букварь являлся первой не развлекательной, а обучающей книгой. Фактически данное издание являлось первым звеном институциональной социализации, каналом транслируемых идеологических и этических образцов, призванных сформировать школьника как человека *советского*. Адресная направленность издания на детскую аудиторию, обусловила специфику подачи материала. Трансляция информационного содержания, идеологических и этических императивов реализуется через наиболее типичные, узнаваемые детьми сюжеты советской повседневности.

В текстах и визуальных образах Букварей достаточно рельефно читается политический контекст периода. На страницах Букварей 1940-х—1950-х гг. помещены портреты политических лидеров. В Букваре 1944 г. издания — это портреты Ленина, Сталина, Буденного, Калинина. В 1952 г. это изображения Ленина, Сталина и Молотова. В текстах букварей 1940-х — первой половины 1950-х гг. наиболее масштабно презентуются фигуры Ленина и Сталина. Прописываясь автономно, фигуры вождей пре-